

— Твой дед прекрасно понимал: чтобы получить шанс, нужно за него бороться, — произнес Цинь Су. — И посмотри на результат. Ты пришел ко мне, я разглядел в тебе талантливого ученика, и позже, когда встал вопрос о распределении мест в докторантуру между тобой и Линь Фэйфэй, я отдал предпочтение тебе.

Гао Миньфэн понурился:

— Но по отношению к Линь Фэйфэй это было несправедливо. Она до сих пор уверена, что вы просто цените мужчин больше, чем женщин, и только поэтому оставили меня. После того как она ушла в Академию наук, она даже удалилась из нашего лабораторного чата...

Линь Фэйфэй пришла в магистратуру в один год с Гао Миньфэном. Она была невероятно трудолюбива, но квот на прямой переход в докторантуру тогда катастрофически не хватало. Научно-исследовательским лабораториям при больнице приходилось буквально выгрызть эти места у руководства университета. ВУЗ всегда отдавал приоритет теоретическим кафедрам, считая больничные базы «вторым сортом» в плане академической подготовки.

Когда на два равноценных таланта осталось всего одно место, Цинь Су оказался в тупике. Он несколько раз обивал пороги приемной комиссии, но тщетно. Декан прямо сказал ему: «Учитель Цинь, то, что мы выделили вам одну квоту — уже жест особого расположения. У меня самого в этом году нет ни одного места для аспиранта, только один магистрант. Чего еще вы от меня хотите?»

Цинь Су не стал больше давить. Он вызвал студентов по отдельности, поговорил с каждым и решил, что Гао Миньфэну лучше остаться здесь, а Линь Фэйфэй поможет связаться с наставником из Академии наук Китая.

Девушка согласилась, но в душе затаила горькую обиду. Она не считала, что в чем-то уступает Гао, и не понимала, почему выбор пал не на нее. В итоге Гао Миньфэн перескочил сразу в докторантуру, а Линь Фэйфэй пришлось закончить третий курс магистратуры и сдавать экзамены в Академию наук на общих основаниях.

Цинь Су и сам чувствовал досаду из-за этой ситуации. Он считал, что с характером Линь Фэйфэй ей действительно будет лучше в системе Академии наук, но понимал, что лишний год учебы для девушки — серьезная потеря времени. Гао Миньфэн же, при всей своей исполнительности, был слишком инертен в борьбе за место под солнцем; за него всегда приходилось переживать. Профессор признавал, что в тот момент проявил капельку эгоизма, но иного выхода не видел. То, что Линь Фэйфэй добавила его в «черный список», он предпочел бы просто забыть, если бы не напоминание ученика.

Позже на конференциях Цинь Су не раз пересекался с нынешним наставником Линь Фэйфэй. Тот не уставал нахваливать ее: говорил, что она чертовски трудолюбива, сообразительна и сохраняет студенческий азарт даже в серьезной науке. Он восторгался школой Цинь Су, утверждая, что от него выходят люди, не боящиеся никаких трудностей, и просил

рекомендовать учеников и впредь.

«Раз она меня просто заблокировала, а не стала поливать грязью на каждом углу — и на том спасибо», — подумал Цинь Су. Ярлык сексиста — не лучшее украшение для репутации профессора. Тем более сейчас, когда девушки в науке порой куда амбициознее парней. Стоит раз прослыть «старорежимным», и о притоке талантливых ассистенток можно забыть. Информация в студенческой среде разносится мгновенно: если утром профессор довел кого-то до слез, к обеду об этом будет знать весь институт.

Цинь Су тяжело вздохнул, вспомнив, что новость о профессиональном контакте с ВИЧ в его лаборатории наверняка уже облетела все чаты. Это неизбежно ударит по набору в этом году. А ведь найти хорошего ученика так же трудно, как и хорошего наставника. С ним предстоит работать бок о бок три, а то и пять лет. Если студент окажется толковым, он станет коллегой и партнером на всю жизнь. Разве можно подходить к этому выбору без трепета? Репутация здесь — единственная валюта.

— Не бери в голову ситуацию с Линь Фэйфэй, — мягко сказал Цинь Су, прервав мысли Гао Миньфэна. — Тогда я действительно выделил тебя, и это было мое решение. Линь Фэйфэй прекрасно устроилась в Академии наук, значит, то место ей подходило больше.

Гао Миньфэн посмотрел на профессора полными слез глазами. Вчерашний поступок казался ему теперь не просто глупостью, а предательством по отношению к учителю.

— Послушай, — продолжил Цинь Су. — Я так ценю тебя. Твои дедушка с бабушкой души в тебе не чают, они растили тебя как величайшее сокровище, во всем себе отказывали, лишь бы ты учился. А ты... ты так легко рискуешь собой. Разве это правильно?

Гао Миньфэн, человек вообще крайне эмоциональный, после этих слов разрыдался в голос. Ему было невыносимо стыдно — взрослый парень, без пяти минут доктор наук, а сидит перед наставником и размазывает слезы. Он долго не мог успокоиться, судорожно хватая салфетки и вытирая лицо.

— Учитель Цинь, я... я всё понимаю, — наконец выдавил он, шмыгая носом. Голос его охрип. — Это из-за меня вы подверглись опасности. Из-за меня могли пострадать младшие соученицы. Я повел себя как идиот, поддался порыву, не подумал о последствиях... Простите... Если с вами... Если вдруг...

Он снова всхлипнул, не в силах закончить фразу.

Цинь Су вздохнул и постарался придать голосу уверенности:

— Всё обойдется. Ты же видел: царапина совсем неглубокая, да и была через слой одежды. Риск не так велик. К тому же я сразу начал принимать блокирующие препараты. Если произойдет ВИЧ-сероконверсия — значит, такая у меня судьба, винить тут некого. Но даже в худшем случае, современная терапия позволяет держать вирус под контролем. Ты ведь сам

ученый, знаешь, что сейчас это перешло в разряд хронических заболеваний. Исследования идут по всему миру, лекарство — вопрос времени. К чему этот пессимизм?

Гао Миньфэн лишь отрешенно кивнул, хотя на сердце у него по-прежнему было тяжело.

— Знаешь, — добавил Цинь Су, — я видел в тебе задатки лидера, поэтому и поручил проект по изучению коинфекции ТБ/ВИЧ. Но я не учел, каким грузом это может лечь на твои плечи. Возможно, я совершил ошибку как педагог. Давай сделаем так: не мучай себя. Этот проект я передам Цзэн Юань, а ты сосредоточишься исключительно на своей диссертации.

Гао Миньфэн вскинулся в испуге:

— Учитель Цинь! Пожалуйста, я справлюсь! Со мной всё в порядке. Вчерашнее... это не из-за того, что мне неприятно работать с ВИЧ-инфицированными. Не нужно отдавать проект старшей соученице, я доведу его до конца!

— Я предлагаю это не потому, что разочаровался в тебе, а ради твоего же блага, — мягко возразил профессор.

— Нет-нет, учитель, я серьезно! — Гао Миньфэн заторопился, боясь, что решение окончательное. — Я смогу закончить работу. Буду заниматься этим в перерывах между основными экспериментами.

Цинь Су засомневался:

— А если снова случится что-то вроде вчерашнего?

— Не случится! Клянусь вам! — Гао Миньфэн едва ли не вскочил с места. — Поверьте мне, пожалуйста.

Цинь Су лишь тяжело вздохнул в ответ.

— Я правда... у меня нет предрассудков к ВИЧ-положительным людям. Я больше так не поступлю. Никогда.

Цинь Су всё еще колебался. Раньше Гао Миньфэн казался ему образцом спокойствия, но вчерашняя вспышка ярости в адрес больного его по-настоящему напугала. Если ученик снова сорвется и спровоцирует пациента — это может закончиться катастрофой.

— На самом деле... — Гао Миньфэн замялся, глядя в пол. — Я просто не выношу наркоманов. Дело не в вирусе.

Цинь Су удивленно поднял брови.

— Это как фобия. Как боязнь игл или замкнутого пространства. Когда я их вижу, у меня внутри всё леденеет, я теряю контроль над собой, — признался ученик.

Цинь Су, который сам до смерти боялся крупных подопытных животных, мог это понять. Он вспомнил, как один претендент в лабораторию чуть не упал в обморок при виде чашек Петри с колониями туберкулеза из-за трипофобии. Тот парень в итоге ушел к другому профессору, а вот Мяо Сяожуй, страдавшая тем же недугом, сумела пересилить себя и теперь спокойно обедала, листая снимки с бактериями. Однако Цинь Су знал — не каждая фобия поддается лечению.

— Моих родителей убили наркоторговцы, — глухо произнес Гао Миньфэн, и снова расплакался. — Убили зверски. Дедушка с бабушкой долго скрывали правду. Когда их нашли... тела были расчленены. По частям собирали. В могиле у нас лежат только их вещи, даже похоронить толком было нечего. Я долго не знал, думал, они просто уехали на заработки. Только в начальной школе, когда я завалил их вопросами, они сдались. Сказали, что родители погибли как герои. Позже я сам нашел старые газетные вырезки, узнал детали...

Он судорожно вздохнул.

— Я хотел стать судмедэкспертом. Дед с бабушкой тогда даже не понимали, что это за работа. Но на третьем курсе, когда до них дошло, они устроили скандал. Запретили даже думать об этом. Они не могут вынести мысли о том, что чье-то тело будут резать на куски — для них это слишком живое воспоминание о маме с папой. Они очень суеверные. Сказали, что если похоронить человека «нецелым», в следующей жизни он родится калекой. Говорят, родители и так настрадались, нельзя обречать их на увечья в ином мире...

В ушах у Цинь Су зазвенело. Он хотел было по привычке заметить, что генетические дефекты никак не связаны с целостностью трупа, да и концепция реинкарнации в медицине не котируется, но вовремя прикусил язык. Старики просто так хранили память о детях. Это было их единственным утешением.

— Учитель Цинь, вы же знаете... — продолжал Гао Миньфэн, и голос его снова начал дрожать от сдерживаемого гнева. — Вот мы лечим туберкулез. Большинство наших пациентов — бедняки. Люди, живущие в нечеловеческих условиях, у которых нет денег даже на еду, не то что на лекарства. Они нищие из-за болезни и больные из-за нищеты. Но государство не выделяет на ТБ и доли тех средств, что идут на борьбу со СПИДом! Я вижу эти цифры: миллиарды на профилактику, бесплатные таблетки... А кто их получает? В большинстве своем те, кто сам наплевал на осторожность. Заразились — и вместо того чтобы лечиться, идут «мстить обществу», специально заражая других. И все перед ними пляшут, сюсюкают, лишь бы они не обиделись, не почувствовали «дискриминации». Им дают деньги, им дают уход, а заболеваемость всё равно растет! Да они же сами виноваты! Вчерашний подонок — он сам заслужил свою участь! А мы должны его бояться? Чем больше мы их боимся, тем больше они наглеют, требуют к себе особого отношения. Это просто отбросы общества, за что их жалеть? Это какой-то порочный круг.

Цинь Су почувствовал, как атмосфера накаляется. Гао снова впадал в то опасное состояние

праведного гнева.

— И что, по-твоему, нужно делать? — тихо спросил профессор.

Гао Миньфэн замер, глядя на него широко открытыми глазами. Весь запал мгновенно исчез, сменившись жгучим стыдом. Поняв, что снова говорит вещи, которые расстраивают учителя, он опустил голову и замолчал.

Цинь Су устало выдохнул:

— В мире всегда будут и хорошие люди, и плохие. Нельзя позволять этой горечи отравлять твой разум. Твоя безопасность, безопасность твоих коллег — вот что важнее всего. Куда важнее любого пациента и любых грантов. Чжоу Сюнь прав в одном: если ты не будешь трогать такого человека, он рано или поздно сам себя погубит. Стоит ли ради него ломать собственную жизнь? Если ты хочешь разорвать этот «порочный круг», начни с себя. Просто будь одним из тех «хороших людей», которых должно быть больше.

— Но ведь... — Гао Миньфэн едва сдерживался. — Ему дали пособие, а он пошел и спустил всё на дозу! Снова кормит тех самых наркодилеров! Он торговал своей кровью — вы хоть представляете, сколько людей он мог заразить? И из-за него вы теперь...

— Довольно, — отрезал Цинь Су. — Этот спор ни к чему не приведет. Мы — врачи и ученые. В масштабах биосферы человечество — не венец творения, а просто очередная питательная среда для патогенов. Пойми это. Если ты сможешь держать себя в руках и гарантируешь, что вчерашнее не повторится — проект останется за тобой. Если нет — я передам его Цзэн Юань. Решай.

Гао Миньфэн угрюмо кивнул, соглашаясь. Его взгляд упал на лекарства, лежащие на столе профессора.

— Учитель Цинь, вам пора принимать таблетки?

Цинь Су раньше тоже пытался мерить мир категориями справедливости, но с годами понял: на всех его не хватит. Сейчас, когда на нем держалась и лаборатория, и старые родители, и собственное здоровье, его заботили куда более приземленные вещи. Он понимал, что не изменит Гао Миньфэна нравоучениями. Путь внутреннего примирения ученик должен пройти сам.

Чувствуя смертельную усталость, Цинь Су взглянул на часы:

— Еще рано. Пойду пока найду врача Нина. Нужно спросить, можно ли подкорректировать схему приема. Побочные эффекты становятся невыносимыми.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17514/1658489>